«выстроены въ одну шеренгу»—характерныя черты каждаго изъ нихъ не оттѣнены. Исторія гоненій, мученія христіанъ за вѣру изложены такъ однообразно, что не дастъ впечатлѣнія на душу. Всѣ событія и дѣятели изложено совершено безжиненно, монотонно. Эта особенность учебника Смирнова устраняется книгой препод. Тульской дух. семинаріи П. И. Малицкаго: «Уроки по исторіи Христіанской церкви», изложенной хорошимъ литературнымъ языкомъ, просто и увлекательно. Для примѣра въ Собраніи были прочитаны выдержки изъ его книги о сошествіи св. Духа на апостоловъ и о св. Іоаннѣ Златоустѣ. Пособіемъ для законоучителя можетъ служить его же, болѣе полное, приспособленное къ программѣ духовныхъ семинарій изданіе: «Исторія Христіанской церкви».

Къ слѣдующему собранію просили о. Ректора семинаріи разсмотрѣть учебники по Закону Божію въ старшихъ классахъ гимназій (7 и 8) и свое заключеніе доложить братскому собранію о. о. законоучителей.

М. Михайловъ.

Изъ церковной жизни Лѣвобережной Украины въ XVIII вѣкѣ.

I. М. Ирклѣевъ.

Полку Переяславскаго сотенный городъ, а затѣмъ мѣстечко—Ирклѣевъ въ XVIII ст. былъ большимъ поселеніемъ съ 4 церквами и довольно развитой церковно-приходской жизнью, отражавшей въ себѣ обычныя характерныя особенности церковной жизни всей Лѣвобережной Украины того времени.

Прежде всего прихожане каждой церкви имѣли право избранія себѣ священника и прочихъ членовъ причта. Отъ 1743 г., напримѣръ, имѣется свидѣтельство объ избраніи прихожанами Ирклѣевской Подольской Николаевской церкви во священника себѣ Баришевскаго діакона Іосифа Кононовича [1]). Избраніе представляется въ такомъ

[1]) См. документъ, приведенный въ ноябр. кн. „Кіев. Стар." 1895 г., перепеч. проф. Н. И. Петровымъ въ 1 ч. 1 т. его „Актовъ и докум., относ. къ ист. Кіев. Ак.", Кіевъ, 1904 г.

видѣ. Когда 8 апрѣля 1743 г. явился сюда Кононовичъ и обратился къ Николаевскимъ прихожанамъ съ просьбою, «чтобы его приняли за настоящого священника въ помянутую церковь» на освободившееся мѣсто, то «для того собрались тоей церкви парафіяне» и «поговоривши согласно приговорили помянутаго Іосифа по его желанію принять за священника и требовать у его на какой кондиціи онъ з вѣкаріемъ (младшимъ, вторымъ священникомъ) и дякомъ будетъ жить». Такая «кондиція» была составлена, написана, подписана кандидатомъ священства и затѣмъ была «ствержена старшинами» и въ трехъ экземплярахъ направлена-по одному-въ сотенную канцелярію, прихожанамъ и избранному Кононовичу. Условія Кононовичу были поставлены такія: брать за крещеніе дѣтей по четыре копейки, за «малій похоронъ»—по 5 к., за «великій похоронъ»—по 10 коп., за «панахиду великую зъ службою и обѣдъ» поминальный—вмѣстѣ по 15 коп., за «обѣдъ умершихъ и службу безъ панихиди»—по 5 коп., за «здоровки»—по 10 коп., за «уписъ умершихъ въ суботникъ»—по 60 коп., за «сорокоустъ»—по 4 руб., за повѣнчаніе своихъ прихожанъ первымъ бракомъ—съ болѣе богатыхъ по 1 рублю, съ менѣе богатыхъ—по 60 коп., а «зъ найубогшихъ»—по 30 коп., за «освященіе пасхъ»—по денежкѣ, за «кухлѣ, биваемие у великій постъ»—по 10 коп. Кромѣ этой таксы за требы, были еще предъявлены такія требованія: безъ согласія прихожанъ «дяка» ни удалять, ни вновь принимать; «позвонное» всецѣло предоставить дяку; доходъ съ мѣстъ за погребеніе отдавать весь ктиторамъ въ церковь; церковныхъ вещей и доходовъ въ свой домъ не брать и не пользоваться ими, а всецѣло ихъ предоставить въ распоряженіе «титоровъ и парафіянъ» [1]). Избранный на такихъ условіяхъ священникомъ въ 1743 г. Іосифъ Кононовичъ служилъ въ Ирклѣевѣ свыше 25 лѣтъ и въ 60 г.г. тутъ былъ намѣстникомъ [2]).

Данный документъ весьма любопытенъ; въ томъ-же приблизительно родѣ составлялись такіе-же акты и въ другихъ Ирклѣевскихъ церквахъ данной эпохи, да и вообще въ Лѣвобережной Украинѣ. Документъ этотъ, какъ и

1) См. назв. выше документъ.

2) Видно изъ Румянцев. опис. и др. док.

другіе подобные, указываетъ, во-первыхъ, что прихожане принимали дѣятельное участіе въ церковно-приходской жизни, въ церковныхъ доходахъ и расходахъ и т. п., и, во-вторыхъ, что священники стояли въ довольно сильной зависимости отъ прихожанъ, должны были болѣе или менѣе считаться съ ихъ вкусами и желаніями.

Но сильно развившаяся еще въ XVII вѣкѣ въ Малороссіи жизнь церковныхъ приходовъ въ XVIII вѣкѣ уже стала постепенно падать и замирать, въ связи съ измѣненіемъ соціально-экономическихъ условій жизни страны— превращеніемъ старшины въ помѣщиковъ, а посполитыхъ— въ крестьянъ, постепеннымъ упроченіемъ крѣпостного права и пр. Эти перемѣны отражались на всемъ.

Въ Ирклѣевѣ въ XVIII вѣкѣ существовали еще цехи, стоявшіе въ связи съ тогдашнимъ строемъ здѣсь церковно-приходской жизни.

Цехи эти около 1767 г. были въ такомъ видѣ: во-первыхъ, ихъ было два—«кравецкій и шапошницкій» и затѣмъ «шевскій»; въ первомъ числилось 52 человѣка съ «цехмистромъ» во главѣ, во второмъ 27—тоже съ «цехмистромъ»; составлялись они изъ козаковъ, посполитыхъ и «подсусѣдковъ». Въ первомъ цехѣ всякій вступающій платилъ по 2 рубля и на церкви (всѣ четыре Ирклѣевскія вмѣстѣ) жертвовалъ по 2 фунта воска, по 1 фунту ладана, по 1 квартѣ вина [1]); кромѣ того если кто «цеховое сукно взималъ», то по 10 коп. бралось на церковныя надобности. Во второмъ цехѣ при вступленіи взносилось по 3 рубля, на церкви—по 7 фунтовъ воску и $^3/_4$ фунта ладана [2]).

Но въ данный моментъ цехи эти, объединявшіе между собою мѣстныхъ ремесленниковъ и имѣвшіе одною изъ своихъ цѣлей попеченіе о мѣстныхъ церковныхъ нуждахъ, стали явно клониться къ упадку: въ казнѣ перваго цеха, напримѣръ, въ это время денегъ совсѣмъ не имѣлось, а во второмъ было налицо лишь 20 коп.; да и сами ремесленники, постепенно превращаясь въ крѣпостныхъ, мало по-малу утрачивали надобность въ такой организаціи, передавая и свое попеченіе о церквахъ въ ру-

[1]) Еще кромѣ того „майстрамъ" поставлялось на напитки 60 коп. и пр.

[2]) Тоже „майстрамъ" на напитки по 60 коп. и пр.

ки помѣщиковъ, все болѣе усиливавшихся теперь въ Малороссіи. На измѣнившіяся къ худшему обстоятельства здѣсь указываютъ и частые побѣги въ то время за Днѣпръ—въ Польшу,—немало ихъ было и въ Ирклѣевѣ въ это время.

Еще въ худшемъ, повидимому, положеніи были другія мѣстныя приходскія учрежденія—школы и шпитали [1]). Имѣлись они при всѣхъ 4 Ирклѣевскихъ церквахъ. Такъ, при Троицкой деревянной церкви имѣлась школа «рубленная», но неизвѣстно, шли ли въ ней учебныя занятія; видно, что жилъ въ ней, какъ въ квартирѣ, мѣстный «дячекъ», получавшій «отъ всякой хаты» въ приходѣ по 3 копейки на свое содержаніе; другихъ жильцовъ въ школѣ не показано,—слѣдовательно, «школяровъ» болѣе или менѣе продолжительное время здѣсь обычно проживавшихъ, не имѣлось [2]), а отсюда можно усомниться и въ самомъ существованіи въ данной школѣ учебныхъ занятій. Нѣсколько болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія у насъ—о Троицкомъ «шпиталѣ», находившемся «на выѣздѣ при городовой брамѣ». Здѣсь жила чета слѣпцовъ съ малолѣтней дочерью и двѣ пожилыхъ больныхъ вдовы. Эти пять обитателей шпиталя Троицкаго питались «единственно съ доброхотного подаянія милостини»,—иначе говоря, жили, какъ жилось, внѣ всякаго надзора и попеченія приходскаго.

При старой деревянной Успенской церкви тоже существовала школа и шпиталь. Школа «рубленная» близъ церкви, выстроенная однимъ козакомъ лѣтъ 15 тому назадъ, имѣла двухъ обитателей—18 лѣтняго «дячка» и 17 лѣтняго «поддячка»; тоже не видно, чтобы тутъ шло школьное дѣло. Шпиталь-же «на выѣздѣ» «впустѣ состоялъ», т. е. успѣлъ превратиться уже лишь въ надгробный памятникъ былого расцвѣта приходской жизни.

Школа при деревянной Михайловской церкви представляла собою квартиру для 65 лѣтняго «поддячого», жившаго тутъ съ семьей; «дячекъ» же проживалъ отдѣльно—въ собственномъ домѣ. Въ существовавшемъ «издревле»

---

[1]) Свѣдѣнія о цехахъ, школахъ и шпиталяхъ Ирклѣевскихъ см. въ одной изъ книгъ Румянцевской описи, сохран. частію въ библіотекѣ Имп. Кіевск. Университета.

[2]) Въ другихъ случаяхъ данная опись обычно говоритъ о томъ, что въ такой-то школѣ „живутъ школяры" или „обучаются обывательскія дѣти".

близъ церкви шпиталѣ проживали супруги-слѣпцы съ 3 дѣтьми и одна женщина—калѣка; средства пропитанія эти «старци» имѣли «единственно отъ доброхотного подаянія».

При четвертой церкви Ирклѣевской-Николаевской, тоже деревянной, существующей «издревле», школа состояла «рубленная ветхая»—тоже «издревле»,—въ ней жилъ «дячекъ». Шпиталь данной церкви—«з сѣньми рубленный годящій» имѣлъ въ себѣ 8 насельниковъ—2 семьи слѣпыхъ и 1 глухого,-питались они «съ милостиваго подаянія» [1]).

Что касается мѣстнаго духовенства, то оно пополнялось какъ по избранію, подобно упоминавшемуся Кононовичу, такъ и по наслѣдству: напримѣръ, при Троицкой церкви въ 60 г.г. священствовалъ Григорій Александровскій, въ самомъ концѣ того-же XVIII ст. мы видимъ въ Ирклѣевѣ, вѣроятно, при той-же церкви, священникомъ сына Григорія—Павла Александровскаго [2]); другая, прочно засѣвшая въ Ирклѣевѣ духовная фамилія была Луччаки,—въ 60 г.г. Матѳей, священствовалъ при Успенской церкви на мѣстѣ отца, а другой братъ его—Григорій былъ діакономъ при Троицкой церкви.

Луччаки были люди довольно богатые. Отецъ Матѳея и Григорія—Ѳеодоръ, наслѣдовавшій своему тестю священнику Петру Бѣлошнурскому, сумѣлъ нажить хорошее состояніе. Въ ту пору, при крушеніи стараго соціально-экономическаго строя Малороссіи, при происходящей борьбѣ все рѣзче обособляющихся сословій, при постепенномъ наступленіи торжества «можнійшихъ» надъ «убогшими», о. Ѳеодоръ не зѣвалъ, а ловко пріобрѣталъ себѣ дворы нивы, луга, сады, огороды и пр. Такъ, въ 1731 г онъ купилъ рѣчку Гатище за 50 золотыхъ, въ 1733 г за 15 рублей купилъ лѣсъ дубовый въ 230 саженъ въ окружности, въ 1736 г. за 5 руб. 80 коп. купленъ имъ сѣнокосный лугъ въ 234 сажня въ окружности, въ 1749 г. *за долгъ 3 рубля и поминовеніе* полученъ дворъ и т. д. Такъ, шагъ за шагомъ умножалъ разными способами свое недвижимое имущество о. Ѳео-

[1]) См. въ Румянцев. описи въ библ. Имп. Унив. Св. Влад. въ Кіевѣ.

[2]) См. „Акты и документы" проф. Петрова, т. 3, К. 1906 г., стр. 288, т. 5, К. 1908 г., стр. 503.

доръ Луччакъ; въ этомъ отношеніи онъ, конечно, не былъ одинокъ среди прочаго малороссійскаго духовенства.

Сынъ о. Ѳеодора, о. Матѳей владѣлъ уже нѣсколькими дворами со служителями и „подсусѣдками"; въ главномъ дворѣ въ занимаемомъ имъ помѣщеніи было «покоевъ хазяйскихъ подъ одною кровлею рубленихъ три, съ коихъ при одномъ комната», да «людскихъ избъ двѣ» съ 3 семьями «подсусѣдковъ»; въ другихъ дворахъ—трехъ съ 4 избами—жили «подсусѣдки» и служители,—кромѣ того были у него и нивы, и луга, и садъ съ огородомъ.

Впрочемъ, другіе Ирклѣевскіе священники въ 60 г. г. XVIII в.—Николаевскій Іосифъ Кононовичъ, Троицкій Григорій Александровскій и Михайловскій Демьянъ Завойко—не обладали такимъ достаткомъ, какъ о. Матѳей Луччакъ,—жили побѣднѣе; богаче другихъ изъ нихъ былъ Кононовичъ. Видно, Ирклѣевскіе приходы сами по себѣ были не особенно доходны; кажется, былъ лучше приходъ ближайшаго села Васютинецъ, священники котораго—Захарія Рашкевичъ и Павелъ Струковскій—имѣли и въ Ирклѣевѣ и его окрестностяхъ значительную недвижимую собственность—дворы, нивы и сѣнокосы[1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Современное Воздухоплаваніе.

II-е. Аэропланы.

(Продолженіе).

Кромѣ аэростатовъ, которые взлетаютъ на воздухъ сами собою, потому что они легче, чѣмъ объемъ вытѣсненнаго ими воздуха, для поднятія ихъ, стало быть, не требуется затраты какой нибудь энергіи, теперь появились еще аппараты, основанные совсѣмъ на другомъ принципѣ, такъ называемые, аэропланы. Аэропланы—это аппараты тяжелѣе воздуха: очевидно, они не могутъ сами собою подниматься подобно игрушечнымъ дѣтскимъ шарамъ безъ затраты какой нибудь энергіи; они взлетаютъ лишь только тогда, когда аппаратъ, пробѣгая по землѣ,

---

[1]) Свѣдѣнія заимств. изъ Румянцев. описи.

Изъ церковной жизни Лѣвобережной Украины въ XVIII вѣкѣ.

(Продолженіе).

2. Отношеніе „пановъ" къ церковнымъ дѣламъ.

XVIII вѣкъ въ жизни Лѣвобережной Украины, между прочимъ, характеризуется столкновеніемъ различныхъ порядковъ и обыкновеній въ дѣлѣ избранія священника и полученія имъ прихода.

Въ это время, какъ извѣстно, существовало еще здѣсь оставшееся отъ предыдущей эпохи, эпохи расцвѣта приходской жизни, право избранія священника и прочихъ лицъ клира прихожанами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ связи съ постепеннымъ паденіемъ приходской жизни, сильно укрѣпился уже обычай наслѣдственной передачи прихода. Къ этимъ двумъ факторамъ присоединился еще новый—третій—архіерейское усмотрѣніе, нашедшее себѣ въ новозаведенныхъ семинаріяхъ большую поддержку, такъ какъ благодаря имъ архіереи всегда имѣли у себя подъ руками учившихся кандидатовъ священства. Въ пользу послѣдняго были и новыя распоряженія высшей власти въ это время.

Естественно, что старый порядокъ и въ данномъ случаѣ съ трудомъ поддавался новымъ реформамъ, а отсюда весьма легко возникали разнаго рода конфликты.

Характерный случай подобнаго рода конфликта мы встрѣчаемъ въ одномъ дѣлѣ бывшей Переяславской консисторіи (сохранившемся въ крайне неупорядоченномъ архивѣ старыхъ дѣлъ Кіевской духовной консисторіи) изъ эпохи Переяславскаго епископа Никодима Сребницкаго (1745—1751 г.г.).

Судя по сохранившимся отъ той эпохи даннымъ, Никодимъ былъ человѣкъ горячій, рѣшительный, самовластный и не любившій козацкой старшины, которая позволяла себѣ вмѣшиваться въ церковныя дѣла [1]). Имѣя въ виду недавнее распоряженіе Св. Синода, послѣдовавшее въ 1745 г., чтобы при замѣщеніи священническихъ

---

[1]) См. авг. кн. „Кіев. Стар". 1889 г. и въ 1 и 2 изд. нашего „Очерка ист. Переяслав.—Бор. еп.".

мѣстъ въ Малороссіи рѣшительное предпочтеніе отдавалось кандидатамъ учительнымъ, для назначенія коихъ дозволялось обходиться безъ такъ называемой «презенты», указывавшей на избраніе даннаго лица на приходъ со стороны владѣльцевъ и прихожанъ [2]), Никодимъ въ 1746 г. своею властью назначилъ учителя школы аналогіи въ Переяславской семинаріи Кирилла Жуковскаго [3]) священникомъ къ Троицкой церкви г. Золотоноши. Кириллъ Жуковскій, сынъ Переяславскаго священника—намѣстника, назначался архіереемъ безъ согласія прихожанъ и безъ всякаго сношенія съ ними—на томъ основаніи, что онъ окончилъ въ Кіевской академіи школу философіи. Онъ посылался въ Золотоношу теперь епископомъ какъ единственный учительный священникъ здѣсь, способный къ сказыванію проповѣдей, почему ему было дано особое порученіе въ праздничные дни говорить рѣчи во всѣхъ Золотоношскихъ церквахъ. Никодиму однако было извѣстно о существованіи въ Золотоношѣ другого—сильнаго кандидата на данное мѣсто.

Золотоношская Троицкая церковь построена была въ 1728 г. главнымъ образомъ на средства «охочнокомонного конпанѣйского» полковника Григорія Павлова и его жены Елены Самуйловны или Самусѣвны. Устроивъ церковь, супруги Павловы имѣли при этомъ свою корыстную цѣль—вложить капиталъ въ дѣло, приносящее хорошіе проценты. Именно, въ соотвѣтствіи съ тогдашнимъ малороссійскимъ обыкновеніемъ [4]), они мечтали со временемъ, когда подрастутъ ихъ дѣти, пристроить сюда—къ «своей» церкви сына или зятя въ качествѣ священника. Въ 1740 г. къ данной церкви, по ходатайству Лубенскаго полкового судіи, а также и самого полковника Григорія Павлова, опредѣленъ былъ въ священника епископомъ Арсеніемъ Берло (1733—44 г.г.) Симеонъ Вертипорохъ, зять жены какого-то значковаго полкового товарища; за Вертипороха при посвященіи просили условно—назначить его сюда, пока не найдется полковнику Павлову подходящій зять.

---

2) Приведено у св. Н. Шпачинскаго „Кіев. м. Арсеній Могилянскій и сост. Кіев. м. въ его правл.“, Кіевъ, 1907 г., 330 стр.

3) Онъ не упом. въ наш. „Оч. ист. Пер. Бор. еп.“, учительствовалъ въ аналогіи въ 1745—46 г.г.

4) См. 182 –183 стр. уп. кн. Шпачинскаго „Кіев. м. Арсеній Могил.“, а также у Ив. Граевскаго въ окт. кн. „Тр. Кіев. Д. Ак.“ 1910 г. стр. 217—218 (ст. „Кіев. м. Тимоѳей Щербацкій“).

И вотъ теперь планы полковничьи разбивались: Кириллъ Жуковскій назначался вторымъ священникомъ къ Троицкой церкви какъ разъ въ такое время, когда дѣти полковника уже подросли. А такъ какъ при назначеніи Жуковскаго было обойдено обычное право мѣстныхъ владѣльцевъ и прихожанъ на выдачу «презенты», то личные интересы тутъ удобно было связать съ соображеніями принципіальнаго характера. Елена Самуйловна, а затѣмъ и мужъ ея и стали писать архіерею о нарушеніи имъ интересовъ двухъ сторонъ: 1) ихъ лично, такъ какъ они, построивши церковь, считали себя, согласно съ мѣстнымъ обыкновеніемъ, въ правѣ имѣть священникомъ при этой церкви члена своей семьи; 2) всего прихода, такъ какъ Жуковскій не пріѣзжалъ просить прихожанъ предъ поставленіемъ объ избраніи.

Протестъ этотъ взволновалъ Никодима; онъ пишетъ въ отвѣтъ полковнику: «Наслѣдіе, кромѣ священническихъ дѣтей достойныхъ и ученыхъ, а не козацкихъ дочерей и не поповскихъ до церквей, не имѣется, а что хто по своему обѣщанію церковь построитъ, то спасенія ради, а не наслѣдія»; игумену Золотоношскаго Красногорскаго монастыря Досиѳею Лебедевичу онъ поручаетъ лично въ церкви ввести Жуковскаго въ должность мѣстнаго священника, повелѣвая въ случаѣ протеста запечатать церковь. Протестъ, конечно, встрѣтился—и со стороны полковницы, и со стороны прихожанъ, и церковь запечатали, но ненадолго. Скоро велѣно было архіереемъ ее распечатать, а противъ непослушныхъ приняты другія мѣры: на полковника съ полковницей послана жалоба въ генеральную войсковую канцелярію въ Глуховъ, и полковницу предупредили о возможности, въ случаѣ продолженія ея протеста, отлученія ея отъ церкви; замѣшанные въ дѣло священникъ Симеонъ Вертипорохъ и «дячекъ»—его родной братъ, недовольные появленіемъ новаго священника и державшіе сторону полковника, устранены отъ должностей, первый временно, а второй—вовсе. Полковнику кромѣ того посланы были выразительныя наставленія отъ Никодима такого рода: «Полковникъ зналъ (бы) свой полкъ управлять, а не церквами наслѣдовать или радѣть священниками», „чего на всемъ свѣтѣ не бываетъ“,—„понеже и мы въ вашихъ полковыхъ дѣлахъ,—

прибавлялъ епископъ,—ни въ чемъ препятствія не чинимъ". Генеральная канцелярія поддержала Никодима, согласившись съ тѣмъ, „яко священство не по наслѣдію приходитъ, но по усмотренію Архіереевъ", которыми „по достоинству къ церквамъ опредѣляются въ презвитери".

Послѣ этого полковникъ Павловъ нѣсколько смирился и, чиня мелкія непіятности Жуковскому, самъ жаловался на „недоброжелательства" послѣдняго къ нему, очевидно, желая доканать его „не мытьемъ, такъ катаньемъ"; Вертипорохъ-же совсѣмъ смирился и, послѣ просьбы за него мѣстныхъ властей—обознаго, писаря, хорунжаго, сотника и другихъ, оставленъ былъ при той-же Троицкой церкви половиннымъ священикомъ, при чемъ далъ предварительно подписку, что будетъ мирно жить съ Жуковскимъ.

Такъ побѣда осталась на сторонѣ архіерея и при поддержкѣ его Жуковскій священствовалъ въ Золотоношской Троицкой церкви до смерти.

12 іюня 1751 г. умеръ епископъ Никодимъ, вслѣдъ за нимъ скоро сошелъ въ могилу и молодой священникъ—ставленникъ его, которому, видимо, немало отравляли существованіе мѣстные представители козацкой старшины и наипаче полковникъ съ полковницею—бранью, публичными нападеніями, судомъ и тяжбами.

Новый Переяславскій архіерей—Іоаннъ Козловичъ (1753—1757 г.г.),—болѣе мягкій и уступчивый по сравненію со своимъ предшественникомъ,— въ 1753 г. на мѣсто умершаго Жуковскаго опредѣлилъ половиннымъ священникомъ къ Золотоношской Троицкой церкви, по просьбѣ Золотоношской старшины и прихожанъ, Николая Павлова,—по всей видимости, сына полковника Григорія Павлова. Въ концѣ концовъ, стало быть, побѣдилъ послѣдній и въ лицѣ его—пока прочно еще державшійся старый порядокъ.

Какъ видно уже и изъ дѣла полковника Григорія Павлова съ Кирилломъ Жуковскимъ, въ малороссійской козацкой старшины,—по мѣрѣ возвышенія ея положенія и паденія прежнихъ приходскихъ организацій,—развивалось чувство собственности по отношенію къ церквамъ, ими построеннымъ или только нѣсколько благотворимымъ. На этой почвѣ нерѣдки были инциденты разнаго рода—

столкновенія свѣтскихъ лицъ съ духовными [1]), равно какъ и свѣтскихъ между собою. Въ подобномъ родѣ произошло столкновеніе, напримѣръ, въ мѣстечкѣ Биковѣ, тоже Переяславской епархіи, 31 января 1776 г. Войсковый товарищъ Павелъ Чернацкій.—наслѣдственный, такъ сказать, „фундаторъ" церкви, благотворившій ей и самъ,—за богослуженіемъ стоялъ въ этотъ день въ „своемъ" придѣлѣ —южномъ, имѣвшемъ входъ непосредственно въ алтарь. При окончаніи литургіи изъ „своего" придѣла, на устроеніе котораго онъ въ свое время „допомогалъ", Чернецкій вошелъ въ алтарь за полученіемъ антидора. Но на бѣду Чернацкаго, за дѣйствіями его зорко слѣдилъ изъ другого —сѣвернаго придѣла другой „панъ"— „управитель биковскій" капитанъ Осипъ Мозгалевскій, имѣвшій „приказную ссору" съ отцомъ Павла Чернацкаго. Въ фактѣ входа послѣдняго въ алтарь Мозгалевскій увидѣлъ беззаконіе и поспѣшилъ съ своей стороны учинить таковое-же: именно самъ вошелъ въ алтарь и потребовалъ отъ мѣстныхъ двухъ священниковъ не впускать Чернацкаго въ алтарь. Дѣло затѣмъ пошло дальше: Мозгалевскій уже вовсе запрещалъ Чернацкому и его „фамиліи" являться въ церковь села, гдѣ онъ былъ „управителемъ", велѣлъ даже „забить двери" въ томъ церковномъ притворѣ, который считалъ „своимъ" Чернацкій, причемъ угрожалъ дать пономарю сто плетей, если тотъ будетъ пускать въ церковь Чернацкаго. Двери церковнаго притвора скоро были „отбиты" священниками, но дѣло затянулось, и священники писали духовнымъ властямъ отписку за отпиской, лавируя между двумя сторонами, раздражать каковыя было имъ невыгодно...

Къ сожалѣнію, изъ сохранившагося дѣла бывшей Переяславской консисторіи неизвѣстно, чѣмъ окончилась эта ссора „пановъ" изъ-за реализаціи правъ ихъ на одну и ту-же церковь.

(Продол. слѣдуетъ).

---

[1]) О нихъ см. во 2 изд. наш. „Оч. ист. Пер. Бор. еп.", Полт. 1910 г., гл. „Клиръ и міряне въ ихъ вз. отн".

въ настоящее время въ полномъ разгарѣ. 1 мая въ Полт. дух. училищѣ прекращены обычныя занятія и ученики отпущены для подготовки къ экзаменамъ, которые начались 10 мая и продолжатся до 11 іюня. Экзамены для вновь поступающихъ въ училище назначены 8 и 9 іюня.

М. М—въ.

Изъ церковной жизни Лѣвобережной Украины въ XVIII вѣкѣ.

(Продолженіе).

3. Нѣсколько данныхъ о монастырской жизни.

Переяславскіе монастыри въ XVIII вѣкѣ не отличались своимъ богатствомъ. Завѣдующіе этими монастырями обычно жаловались на бѣдность и „скудость“ монастырскую. Вотъ нѣсколько данныхъ о состояніи Переяславскихъ—каѳедральнаго Вознесенскаго и Михайловскаго монастырей въ 1780 г. [1])

За указанный годъ Вознесенскій монастырь имѣлъ доходу 4190 руб. 19 коп. Главная статья денежнаго дохода—„зъ вотчинныхъ монастырскихъ шинковъ—за продажу горѣлки“—2063 рубля 65¼ к., затѣмъ съ откупщиковъ „Лялинского шинку по договору“ 300 рублей. Другія статьи дохода: продажа сѣна изъ вотчинъ (на 85 руб.), продажа рыбы (изъ Лялинской «озерявини»—20 осетровъ за 34 р. 20 коп.), также сала и „борошна“; изъ сукновальни получено 20 руб. 38 коп. и пр. Кромѣ того собиралось немало хлѣба съ вотчинныхъ земель этого монастыря: въ 1780 г. собрано было ржи—1370½ четвериковъ, ячменю—670 четвериковъ, овса—402 четверика. Получавшійся хлѣбъ частію превращался въ муку, частію—въ солодъ, пиво и „горѣлку“, а часть шла на кормъ лошадей и птицъ. «Горѣлки» выдѣлывалось въ годъ 735 кадокъ и 44 кварты. «Горѣлка» перегонялась въ «водку», а эта расходовалась на братію каѳедральнаго монастыря и дома архіерейскаго, а также продавалась. Выдавалась также водка мѣстной «чиновной братіи и обще-

---

[1]) Изъ архива старыхъ дѣлъ Кіевской консисторіи; нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ монастыряхъ см. въ наш. „Очеркѣ ист. Переясл.—Борисп. еп.»

ству» къ праздникамъ «по опредѣленію его преосвященства»: къ Рождеству Христову 43 кварты и къ Пасхѣ—35.

Денегъ въ каѳедральномъ монастырѣ израсходовано было въ 1780 г. 3333 руб. 41½ коп. Значительная часть ихъ шла на монастырскія строенія и ихъ ремонтъ, на покупку припасовъ для рыбной ловли и мельницъ и снаряженія плотовъ по Днѣпру, на покупку свиней, откармливавшихся затѣмъ при винокурняхъ (ихъ куплено на 52 рубля 56 коп.), покупалась также посуда, съѣстные припасы, какъ-то—«вялая» рыба (на 47 руб. 2½ коп.), «цибуля» (на 1 руб. 80 коп.), чеснокъ (на 2 руб. 20 коп.), „олѣя" (на 48 руб. 85 коп.), и проч.; покупали также для братіи и служащихъ одежду,—напримѣръ, въ данномъ году куплено было «два кожуха ношеныхъ» за 2 руб. 48 коп., полсотня «кожаныхъ рукавицъ» за 6 руб. 50 коп. и т. п.

Оборотъ Переяславскаго Михайловскаго монастыря былъ гораздо меньше: въ томъ-же 1780 г. приходу здѣсь было всего 598 руб. 83 коп., а расходу 588 руб. 30¼ коп. Доходъ получался такимъ образомъ: «съ мощей» преподобномученика Макарія—118 руб. 28 коп., затѣмъ за продажу въ шинкахъ «горѣлки» 229 руб. 77 коп., за продажу 73 свиней—58 руб. 40 коп., за продажу овецъ—27 руб. 35 коп., за продажу сала и свиного мяса—25 руб. 8½ коп. (пудъ сала по 1 рублю 10 коп.), за продажу шестерыхъ гусей—54 коп. и т. п. Деньги израсходованы были: на покупку и снаряженіе плотовъ, пріобрѣтеніе «въ заводъ монастырскій» жеребца (за 60 руб. 10 коп.), «на наемъ стряпчихъ по монастырскимъ дѣламъ»—15 руб. 60 коп., «издержано на приходящихъ во время праздниковъ съ поздравленіемъ» 10 руб. 65 коп, «издержано для пріему гостей на вино и другіе напитки» 33 руб. 37½ коп., на годовыхъ служителей—63 руб. 70 коп. по контракту, на покупку 15 пудовъ желѣза—11 руб. 52 коп., на сахаръ и чай—10 руб. 65 коп., на покупку 1 пуда 14 фунтовъ меду—16 руб. 88¾ коп., на «горѣлку» и пр.

Между другими статьями дохода монастырей обращаетъ на себя вниманіе главная его статья—это прибыли отъ продажи «горѣлки» и «шинковъ». Увлеченіе монастырей водочными операціями было дѣломъ обычнымъ въ то время на Украинѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно вызывало

уже противъ себя протесты и въ обществѣ, и среди самихъ монашествующихъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія сатира—«Плачъ» довольно образованнаго монаха Кіево-Печерской лавры 60-хъ и 70-хъ годовъ XVIII вѣка Іереміи [1]) и его-же разсчетное доношеніе духовному собору лавры [2]). Въ послѣднемъ Іеремія, имѣвшій ближайшее отношеніе, по данному ему послушанію, къ лаврскимъ трактирамъ, между прочимъ, говоритъ: «Что можно найти для монаха безчиннѣе, какъ такое трактироправительство?» Онъ-же свидѣтельствуетъ, что и въ свѣтскомъ обществѣ по этому поводу дурно говорили о лаврскихъ властяхъ и монахахъ: «Гонясь де за прибылями, свою пристойность позабыли; непослѣднее ли де ужъ пришло время, что взялись монахи за трактирно бремя; весьма де ето жалко, что святая ихъ душа здѣлалась соблазномъ для трактирнаго барыша» и т. д. [3])

Торгуя водкой, перегоняя ее, приливая водкой вишни и сливы и т. д. [4]), братія монастырская слишкомъ близко стояла къ водочному дѣлу, чтобы—хотя бы въ силу одного уже этого—не поддаться искушеніямъ въ данной области. Трудно болѣе или менѣе точно установить, сколько именно выпивалось братіей спиртныхъ напитковъ въ годъ только «на законномъ основаніи», такъ сказать. Извѣстно лишь, что братіи каѳедральнаго Вознесенскаго монастыря въ Переяславѣ съ пѣвчими и конторскими канцеляристами въ теченіе года по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ выдано было отъ монастыря въ 1780 г. всего 5 кадокъ водки (считая въ кадкѣ по 40 квартъ) и 16 кадокъ простой сивухи; кромѣ того были еще особыя выдачи—къ Рождеству и Пасхѣ, напримѣръ. Нужно принять во вниманіе, что братія этого монастыря была немногочисленна: около 1737 г. монашествующихъ здѣсь было 30 человѣкъ [5]), въ данное

---

[1]) Напечатано И. М. Каманинымъ въ „Чтен. въ Общ. Нестора" 1907 г., кн. 20, вып. 1.

[2]) Напечат. въ извлеченіи проф. С. Т. Голубевымъ въ его „Отзывѣ о книгѣ свящ. Н. Шпачинскаго" Москва, 1909 г., стр. 17—19; объ Іереміи есть и у Шпачинскаго—„Кіев. м. Арсеній Могилянскій", Кіевъ, 1907 г., въ гл. 5-й, въ кот. см. и вообще о монастыряхъ.

[3]) См. въ уп. брошюрѣ проф. Голубева; это доношеніе было лишь составлено Іереміей, а подано другимъ инокомъ—Епифаніемъ.

[4]) Что видно изъ данныхъ монастырскихъ вѣдомостей, детально нами не приводимыхъ.

[5]) См. въ „Опис. док. и д. Арх. Св. Син". т. 20, стр. 606.

время ихъ было врядъ-ли больше, а съ пѣвчими и канцеляристами число ихъ, быть можетъ, доходило до полусотни.

Неудивительно, что, при такой атмосферѣ увлеченія въ монастыряхъ водочными спекуляціями и широкомъ пользованіи въ монастырскихъ трапезныхъ водочными продуктами, и самое настоящее запойное пьянство легко прививалось въ средѣ монашествующихъ. У насъ нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній о Переяславскихъ монастыряхъ на этотъ счетъ; мы знаемъ лишь о пьянствѣ игумена Переяславского Михайловскаго монастыря Дамаскина (1713—1733 г.г.), закончившемся крупнымъ скандаломъ въ 1732 г., когда почтеннаго игумена въ пьяномъ видѣ возили по городу въ костюмѣ жениха съ музыкой [1]). Но мы располагаемъ нѣкоторыми статистическими свѣдѣніями подобнаго рода о двухъ сосѣднихъ монастыряхъ, впослѣдствіи вошедшихъ въ составъ Переяславско-Полтавской епархіи, именно—Лубенскомъ Преображенскомъ и Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ [2]).

Въ 1772—3 г. г. въ первомъ изъ нихъ—Лубенскомъ было 53 человѣка братіи (13 іеромонаховъ, 6 іеродіаконовъ, 34 монаха), изъ нихъ «невоздержнымъ пьянствомъ», засвидѣтельствованнымъ оффиціально, отличались 6 человѣкъ (3 іеромонаха и 3 монаха), т. е. около 11%. Въ то-же время Полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь имѣлъ въ стѣнахъ своихъ 47 человѣкъ братіи (12 іеромонаховъ, 7 іеродіаконовъ, 28 монаховъ), въ томъ числѣ подверженныхъ сильному пьянству зарегистрировано въ оффиціальномъ отчетѣ 10 человѣкъ (3 іеромонаха, 2 іеродіакона и 5 монаховъ), т. е. свыше 21%.

Пьянство и соединенныя съ нимъ безчинства не были единственными выдающимися пороками монастырской братіи того времени. Данныя о тѣхъ-же двухъ монастыряхъ этого времени указываютъ еще: непосѣщеніе церковныхъ богослуженій, уходъ изъ монастыря днемъ и ночью въ «непристойныя мѣста», воровство. Поклоны, «удрученіе цепою», тюрьма съ заключеніемъ въ «ножніе желѣза» и прикрѣпленіемъ къ цѣпи желѣзной,—эти мѣры обычнаго

---

[1]) См. въ „Опис. док. и д. Арх. Св. Син." т. 15 д. № 155—182.

[2]) Изъ вѣдомости о монастырякъ Кіевской епархіи 1773 г. въ арх. стар. дѣлъ Кіев. дух. консисторіи.

тогда начальственнаго воздѣйствія на монашескую нравственность, при серьезныхъ уклоненіяхъ отъ нормы,—мало въ общемъ воздѣйствовали на братію. Это время, время возрожденія иночества въ нѣкоторыхъ великорусскихъ монастыряхъ, въ обителяхъ Лѣвобережной Украины было эпохой несомнѣннаго упадка монашества, утраты имъ своего духа. Мірской духъ владѣлъ обителями,—начальствующіе въ нихъ увлекались разнаго рода хозяйственными оборотами, заставляли братію перегонять сивуху въ водку, торговать въ шинкахъ, сплавлять по Днѣпру плоты, откармливать свиней, блюсти и выращивать другой скотъ и пр. и пр. Въ инокахъ и послушникахъ цѣнилось, если кто изъ нихъ былъ «кравецъ», столяръ, ткачъ, «кушниръ», «швецъ» и т. п. Трудно сказать, насколько цѣнилась въ принимающемъ монашество или «заслуговующемся на монашество» его соотвѣтствующая душевная настроенность, но, несомнѣнно, отъ него скорѣе требовалось знаніе какого-нибудь ремесла, чѣмъ грамотность.

Въ указанное время въ Лубенскомъ монастырѣ изъ 53 человѣкъ иночествующихъ—лицъ, обучавшихся нѣкоторое время въ Кіевской академіи, было 5, болѣе или менѣе удовлетворительно знали русскую грамоту 29, малограмотныхъ было 9 и 9-же совершенно неграмотныхъ, т. е. послѣднихъ двухъ разрядовъ было около 34%. Въ Полтавскомъ монастырѣ въ то-же время дѣло обстояло еще хуже: въ академіи нѣкоторое время училось лишь двое изъ братіи, болѣе или менѣе грамотныхъ было 25, малограмотныхъ 15 и неграмотныхъ 5, т. е. послѣднихъ двухъ категорій больше 42%. Любопытно, что къ принятію монашества въ послѣднемъ монастырѣ въ это время готовилось 7 послушниковъ, но изъ нихъ лишь 1 былъ вполнѣ грамотнымъ, 2 малограмотныхъ и 4 совершенно неграмотныхъ, но зато они знали какое-нибудь ремесло—«шевское», «кушнирское» и т. п.

Неудивительно, что при такомъ приблизительно положеніи вещей въ монастыряхъ Лѣвобережной Украины такіе иноки, какъ знаменитый Паисій Величковскій (1722—1794 г. г.),—который искалъ себѣ въ монастырѣ обстановку, воспитывающую наклонность къ «умному дѣланію», подыскивали себѣ мѣсто для подвиговъ внѣ Украины: самъ Паисій напримѣръ, уроженецъ г. Полтавы, ушелъ за-границу—въ

предѣлы австрійскіе и турецкіе и тамъ лишь нашелъ возможнымъ основать обители съ несомнѣннымъ подъемомъ иноческаго духа.

Впрочемъ, вскорѣ—въ 1786 г. монастырямъ Лѣвобережной Украины, какъ хозяйственнымъ коопераціямъ, увлекавшимся мірскими дѣлами, нанесенъ былъ сильный ударъ: вотчины были отобраны, и нѣкоторыя изъ обителей, какъ, напр., Переяславскій Михайловскій, закрыты.

(Окончаніе будетъ).

Священникъ о. Василій Алексѣевичъ Туницкій.

(некрологъ).

Не будетъ того во вѣкъ, чтобы остался кто жить навсегда и не увидѣлъ могилы. Пс. XLVIII,10. *И возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ, а духъ возвратится къ Богу, который далъ его. Екл. XII*,7.

Смерть неизбѣжна для всѣхъ...

Этотъ неумолимый природный законъ осиротилъ дружную семью духовенства II благочинническаго округа Полтавскаго уѣзда. Божіимъ изволеніемъ въ ночь на 12 марта въ м. Мачехахъ отъ брюшного тифа скончался настоятель Покровской церкви—священникъ Василій Алексѣевичъ Туницкій. Почившему пастырю шелъ шестьдесятъ четвертый годъ.

Вотъ его curriculum vitae. Отецъ Василій—сынъ Мачехскаго священника. По окончаніи курса въ Полтавской Духовной Семинаріи (1869 г.) состоялъ учителемъ земской школы въ Мачехахъ. 3 декабря 1872 г. былъ рукоположенъ въ санъ священника къ Троицкой церкви села Милецъ, а чрезъ десять лѣтъ (1882) по прошенію переведенъ къ Покровской церкви—на мѣсто отца—гдѣ и оставался до

Изъ церковной жизни Лѣвобережной Украины въ XVIII вѣкѣ.

(Окончаніе).

IV.

Архивныя мелочи.

А. Въ Переяславской семинаріи XVIII вѣка встрѣчались порою необычные, исключительные ученики.

Такъ, напримѣръ, въ 1746 г. въ Переяславъ изъ Австріи явился сербскій іеромонахъ Моисей Панагіотовъ; епископъ Никодимъ принялъ его подъ свое покровительство и, по просьбѣ его, опредѣлилъ для «обученія» славяно-латинскому діалекту въ Переяславскую семинарію. Тутъ іеромонахъ Моисей обучался 3 года, и въ 1749 г., закончивъ здѣсь ученіе (старшимъ классомъ Переяславской семинаріи была тогда, какъ извѣстно, риторика), возбудилъ ходатайство о направленіи его для продолженія образованія въ Московскую академію. Еп. Никодимъ отнесся къ его ходатайству внимательно и сталъ ходатайствовать предъ свѣтской властью о выдачѣ ему паспорта для проѣзда въ Москву. На этомъ, къ сожалѣнію, прерывается бывшее въ нашихъ рукахъ дѣло Переяславской консисторіи, сохранившееся въ архивѣ старыхъ дѣлъ Кіевской духовной консисторіи.

Въ концѣ 60 и началѣ 70 г.г. жилъ въ Переяславскомъ каѳедральномъ монастырѣ другой инокъ, малороссійскаго уже происхожденія, Христофоръ Сулима, который, уже въ санѣ іеромонаха, обучался здѣсь «приватно» латинскому языку, а въ 1773 г. уѣхалъ въ Кіевъ, чтобы доучиваться въ тамошней академіи [1]), въ которой «богословское ученіе» онъ закончилъ въ 1782 г., и затѣмъ снова на нѣкоторое время возвратился въ Переяславъ. Впослѣдствіи онъ былъ епископомъ Ѳеодосійскимъ и затѣмъ первымъ Слободско-Украинскимъ и Харьковскимъ, умеръ въ 1813 г.

---

[1]) Другой цѣлью отъѣзда его въ Кіевъ было желаніе полечиться отъ „усилившейся головной боли",—изъ дѣлъ Переясл. конс.; привед. выше свѣд. нѣсколько дополн. и измѣн. свѣд. біографа его—прот. Н. Лащенкова, Харьковъ, 1895 г., проф. Петрова въ 3 т. его „Актовъ", стр. 491 и др.

Б. Характерный случай имѣлъ мѣсто въ жизни Переяславской семинаріи въ 1746 г., еще на зарѣ ея бытія. Въ этомъ году войтъ Переяславскій Кириллъ Савонъ пригласилъ къ своему сыну въ «инспектора», т. е. репетитора, ученика риторики Переяславской семинаріи Михаила Полонскаго. Когда послѣдній, въ духѣ получаемаго имъ самимъ въ семинаріи воспитанія, вздумалъ было разъ «за наученіе» нерадиваго ученика наказать его розгами, то узнавшій о наказаніи сына, разсвирѣпѣвшій войтъ велѣлъ въ свою очередь наказать «инспектора» за это болѣе чѣмъ 200 ударами плетей, а затѣмъ посадилъ его въ «ліохъ».

За пострадавшаго семинариста вступились учители семинаріи: риторики—Григорій Гиновскій, піитики—Симеонъ Прокоповичъ и низшаго класса—Кириллъ Савѣчъ [1]). По просьбѣ учителей Переяславская консисторія написала войту «снисходительно», чтобы онъ «наградилъ» пострадавшаго отъ него семинариста; въ отвѣтъ на это предложеніе консисторіи войтъ предложилъ «въ награду» потерпѣвшему «инспектору» пять рублей (изъ дѣлъ Переяславской консисторіи въ архивѣ Кіевской консисторіи).

В. Малороссійское духовенство XVIII вѣка не было избаловано наградами. Обычной наградой для священниковъ было лишь пожалованіе должности протопопа или намѣстника; кромѣ того получали они еще званіе «крестового»,— были «крестовые» протопопы, «крестовые» намѣстники, «крестовые» пресвитеры. «Крестовымъ» называлось то лицо изъ духовенства, которое состояло «единственно подъ крестомъ» архіерея, т. е. непосредственно подчинялось въ порядкѣ суда и управленія самому архіерею, минуя посредствующія инстанціи. Видимымъ знакомъ вниманія епархіальнаго начальства было для заслуженнаго іерея пожалованіе ему скуфьи; но послѣдняя заслуживалась далеко не такъ легко, какъ теперь. Вотъ, напримѣръ, въ январѣ 1784 г. протопопъ Басанскій Андрей Туманскій, прослужившій въ должности протопопа цѣлыхъ 28 лѣтъ, обратился къ епископу Переяславскому

[1]) Гиновскій учительствовалъ въ Переяславской семинаріи съ 1743 г., Прокоповичъ-же раньше тутъ учительствовалъ въ 1739—41 г.г. и теперь, видимо, снова занялъ здѣсь учительское мѣсто (см. во 2 изд. нашего „Оч. ист. Переясл. Борисп. еп.“, стр. 136—137); Кириллъ Савѣчъ доселѣ не былъ извѣстенъ въ числѣ учителей Переяславской сем.

Иларіону Кондратковскому (1776—85 г.г.) съ просьбой благословить его, въ виду болѣзни головы, носить скуфью. Архіерей уважилъ просьбу заслуженнаго, больного старца, благословилъ его «імѣть и носить во всѣхъ мѣстахъ гдѣ требуетъ того благопристойност скуфью», «яко мы»,—поясняетъ архіерей,—«знавъ его честност і разумъ за его достойные и почтенные качествы: его почтили и благословили» [1]).

Г. Отъ 1764 г. сохранилась вѣдомость за 1762 и 1763 г.г. по Переяславской епархіи, показывающая, «сколко при приходскихъ церквахъ имѣется приходовъ денежныхъ, з того ж числа сколко в них денегъ здержано в росходъ». Она сообщаетъ нѣкоторыя статистическія данныя о той эпохѣ, не лишенныя интереса.

Такъ, въ Переяславской протопопіи (протопопъ Павелъ Скрипчинскій) состояло въ 1763 г. всего 53 церкви, изъ нихъ 8 въ г. Переяславѣ и остальныя 45—сельскія. «Всѣхъ приходовъ» денежныхъ въ нихъ за годъ было 675 рублей 87¹/₄ коп., „в росходъ употреблено“ изъ нихъ было 528 руб. 82 коп. Наибольше прихода было въ Переяславской Покровской церкви—43 руб. 92 коп., затѣмъ въ церкви села Малой-Каратули—43 руб. 6 коп.

Въ протопопіи Бориспольской (протопопъ Стефанъ Деревецкій) въ это-же время состояло 34 церкви, приходу въ нихъ 160 руб. 37 коп., расходу 141 руб. 77 коп.—въ 1762 г. и въ 1763 г.—приходу 167 руб. 49 коп., расходу 150 руб. 73 коп.; больше другихъ доходовъ въ 1762 г. имѣла Спасская Гоголевская церковь—16 руб. 71 коп., а въ 1763 г. Воронковская Михайловская—20 руб. 28 коп. Въ протопопіи Басанской (протопопъ Андрей Туманскій) было 23 церкви съ приходомъ въ 1763 году 159 руб. 56¹/₂ коп., больше другихъ—въ Оржицкой Успенской—23 руб. 20¹/₄ коп., въ Ветовской Никольской—20 руб. 91¹/₄ коп., а въ 1762 г. больше другихъ въ Веприцкой Троицкой—20 руб. 92¹/₄ коп. Въ Золотоношской протопопіи (протопопъ Василій Петрашевичъ) церквей 56 (въ этомъ числѣ въ Золотоношѣ 3), общій приходъ и расходъ не подведенъ, высшая сумма прихода

---

[1]) Изъ дѣлъ бывшей Переяславской консисторіи, хранящихся въ архивѣ старыхъ дѣлъ Кіевской духовной консисторіи, какъ и дальше.

въ церквахъ около 11 рублей. Въ Баришевской протопопіи (протопопъ Евгеній Пясецкій) состояло 23 церкви, приходу числилось 78 руб. 80 коп., расходу 73 руб. 79 коп. въ годъ. Больше денежныхъ поступленій было въ Баришевской Благовѣщенской церкви—въ 1762 г. 12 р. 22 коп., въ 1763 г.—10 руб. 64 коп. Отдѣльная вѣдомость поступила отъ «крестоваго протопопа» Михаила Исаевича о его Баришевской Троицкой церкви; въ ней приходу въ 1762 г. 11 руб. 43 коп., въ 1763 г.—10 р. 92 коп.

Д. Въ XVIII столѣтіи въ Малороссіи, при сохранившемся еще участіи прихожанъ въ приходской жизни вообще и избраніи священника въ частности, основаніемъ матеріальнаго обезпеченія священнослужителей являлся договоръ или «кондиціи», заключаемыя духовными лицами съ приходомъ.

Вотъ два примѣра такихъ договоровъ. Въ 1746 г. прихожане с. Богодуховки, въ которомъ состояло 99 дворовъ и въ нихъ 217 хатъ, обзаводясь въ своемъ приходѣ вторымъ священникомъ, предоставляли ему такіе источники доходовъ: священникъ воленъ на свободной степи, сколько ему будетъ угодно, хлѣба сѣять и сѣна косить; съ пахотныхъ прихожанъ получалъ по четверику «пашни», а съ «пѣшого» по 5 коп. въ годъ; за требы назначалось—повѣнчаніе 10 коп., сорокоустъ 4 руб., «субботникъ»—полтина, крещеніе по 2 коп. отъ воспріемника, освященіе пасхъ—по деньгѣ, молебенъ—10 коп., погребеніе «великое» 10 коп. и малое 5 коп.

Подобныя нѣсколько условія поставлены были въ 1781 г. священнику села Лемешовки, имѣвшей въ то время 209 хатъ. Именно, «великій похоронъ» оплачивался въ 10 коп., «малый»—5 коп., сорокоустъ—3 рубля деньгами, да еще—пшеницы ½ четверика, воску и ладану по фунту и кварта вина; обвѣнчаніе 10 коп.; затѣмъ назначался «роковой хлѣбъ»—по 2 коробкѣ зерна отъ хаты хозяйской, а отъ живущихъ «въ сосѣдяхъ»—по 1 коробкѣ зерна; затѣмъ, кромѣ церковнаго дома священникъ пользовался отъ владѣльца землей—«пахатнаго поля въ двухъ смѣнахъ болѣе 30 дней» и сѣнокосомъ, дающимъ «по 300 копенъ».

Такія условія, повидимому, имѣли значеніе лишь приблизительной нормы, не исключавшей разнообразія. Такъ, напримѣръ, въ 1755—57 г.г. въ селѣ Георгіевкѣ, Переяславской епархіи, за повѣнчаніе брали и 50 коп., и 1 руб. 30 коп., и 2 руб. 50 коп., и 2 рубля, за крещеніе—и 5 коп., и 2 коп., и т. п.

Е. При разнообразныхъ, довольно значительныхъ платежахъ, къ какимъ приходилось прибѣгать въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ кандидату священства при поставленіи въ епархіальномъ городѣ, онъ не былъ свободенъ отъ расходовъ и на мѣстѣ. Такъ, въ 1746 г. одинъ ставленникъ Переяславской епархіи заплатилъ 5 рублей мѣстному сотнику за выдачу «презенты» отъ мѣстнаго прихода, 1 руб. 50 коп. сотенному писарю за написаніе этой «презенты», да еще мѣстному протопопу за содѣйствіе въ избраніи подарокъ въ 1 рубль и деньгами тоже 1 рубль. Такіе приблизительно, а порою и большіе расходы требовались нерѣдко отъ кандидата священства, чтобы получить и затѣмъ оформить избраніе прихода. Въ епархіальномъ городѣ ему предстояли бо́льшія мытарства [1]).

Владиміръ Пархоменко.

ЭКЗАМЕНАЦІОННАЯ СТРАДА.

Наступила весна. Ожившая природа снова одѣлась въ свой пышный, вѣчно юный нарядъ, и усталаго горожанина, утомленнаго однообразнымъ зимнимъ трудомъ, невольно тянетъ изъ города на просторъ полей, подышать живительнымъ воздухомъ, почувствовать снова близость природы, отъ которой онъ оторванъ условіями своего труда.

Но есть среди насъ самые юные и неокрѣпшіе члены нашего общества, на которыхъ весна производитъ, повидимому, совсѣмъ иное впечатлѣніе: блѣдныя лица юношей омрачены тяжелой заботой, а подвижныя личики малышей и подростковъ выражаютъ не только тревогу, но даже и испугъ, когда они вспоминаютъ, что при-

---

[1]) О нихъ см. во 2 изд. наш. „Оч. ист. Пер. Борисп. еп.“; заимств данн. изъ дѣлъ Переясл. конс.